

О траекториях посткоммунистических трансформаций

А.Ю. Мельвиль

Сегодня уже совершенно очевидно (хотя этот факт еще недостаточно отрефлексирован), что политическое развитие посткоммунистических стран может идти по множеству разнонаправленных траекторий. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, скажем, политические институты и политические процессы в Чехии и Туркменистане, Словении и Таджикистане, Белоруссии и Эстонии и т.д.

В посткоммунистическом пространстве складывается чрезвычайно широкий спектр политических режимов, структур распределения и воспроизводства власти, формируются разные политические системы. В одних странах завершается консолидация либеральных демократий, закрепляются демократические институты и практики, в других – такие институты и практики сочетаются с недемократическими, авторитарными, в третьих – формальные демократические процедуры используются в качестве фасада, за которым скрываются новые разновидности автократического правления*¹. Различия настолько велики и беспрецедентны, что перед современным политологическим сообществом встает задача существенного концептуального обновления сложившихся представлений о политических изменениях и политическом развитии с учетом *разновекторного характера посткоммунистических трансформаций*.

* * *

Между тем еще совсем недавно, каких-нибудь пять-десять лет назад, в политической науке доминировало *линейное, векторное* представление о магистральных тенденциях современного политического развития. Последнюю четверть ушедшего XX в. было принято описывать как эпоху глобальной демократизации, воспринимавшейся в качестве главного (и чуть ли не единственного) направления мировой динамики. И действительно, те годы прошли под знаком распада казавшихся прежде совершенно несокрушимыми авторитарных и посттоталитарных режимов и постепенного становления демократических институтов и практик в целом ряде стран, объявивших себя "новыми демократиями". В тот период многие, в т.ч., признаюсь, и автор этих строк [Мельвиль 1998, 1999], были убеждены, что концепт "третьей волны" глобальной демократизации [Huntington 1991; Markoff 1994; Shin 1994 и др.] способен обеспечить пусть предварительную, но вместе с тем достаточно цельную теоретико-методологическую рамку для осмысления, а отчасти и прогнозирования этих процессов.

Согласно господствовавшей тогда точке зрения, "третья волна" демократизации началась в середине 1970-х годов в Южной Европе (падение военных диктатур в Португалии, Испании и Греции), затем распространилась на Латинскую Америку, достигла некоторых стран Юго-Восточной Азии и, наконец, под влиянием все более очевидного коллапса коммунистических режимов и попыток перестройки в СССР, захватила страны Центральной и Восточной Европы, а потом и все постсоветское пространство. При этом почти ни у кого не возникало сомнений, что, в отличие от первых двух "волн" (с 1828 по 1926 г. и с 1943 по 1964 г.), завершившихся частичным восстановлением политического пространства диктатур и автократий, "третья" имеет все шансы избежать консервативного "отката" [Huntington 1991; Даймонд 1999]. Стали даже появляться прогнозы относительно близящейся "четвертой волны", которая затронет сохранившиеся автократические анклавы в Китае, мусульманском мире, в арабской и черной Африке [Diamond 2000].

По сути дела (и сегодня мы можем наблюдать это воочию), описывая и анализируя тенденции политического развития в мире, многие исследователи поддались вполне объяснимому (особенно если принять во внимание эйфорию сперва перестройки, а затем – периода краха коммунизма и развертывания демократических преобразований) искушению и начали воспринимать современные политические трансформации в виде единого *линейного вектора* – от распада тех или иных разновидностей авторитаризма к постепенному выстраиванию

---

¹ По замечанию М.Буравого, сам посткоммунистический транзит может быть не только поступательным (революционным или эволюционным), но и регрессивным, инволюционным [Burawoy 2001; см. также Кулагин 2003].

консолидированной демократии либерального типа. Если угодно, это была своеобразная антикоммунистическая "перелицовка" Манифеста коммунистической партии: все страны придут к торжеству либеральной демократии, только одни раньше, а другие позже.

Мировое политическое развитие (понимаемое как векторное, линейное) трактовалось в парадигме *стадий демократизации*, в соответствии с которой всем "переходным" странам неизбежно предстоит пройти через типологически единые фазы: эрозия и распад авторитаризма, режимная либерализация, институциональная демократизация, этап неконсолидированной демократии и, наконец, демократическая консолидация. И хотя считалось, что скорость продвижения к "телосу", т.е. к консолидированной либеральной демократии, зависит от совокупности внутренних и внешних обстоятельств, сам вектор движения виделся вполне определенным². Более того, из обобщенного критерия оценки отдельных стадий конкретного демократического транзита консолидация демократии либерального типа превращалась в совершенно реальный "пункт назначения", который раньше или позже достигнут все "переходные" политии. Модель *демократической консолидации* [см. Mainwaring et al. 1992; Gunther et al. 1995; Linz, Stepan 65 1996 и др.] была призвана служить теоретико-методологическим обоснованием "выхода из неопределенности" в парадигме линейного транзита.

* * *

Рассматривая данную модель, прежде всего стоит отметить, что она несет в себе если не отрицание, то, по крайней мере, ограничение широко распространенного среди современных компаративистов минималистско-процедурного толкования демократии (согласно которому, по выражению А.Пшеворского, демократия есть "неопределенность результатов при определенности процедур"). Ведь консолидация демократии подразумевает создание таких условий, при которых "выживают" *только* демократические структуры, т.е. "определенность процедур" влечет за собой и значительное снижение "неопределенности результатов", практически исключая возможность "недемократических исходов". В этом, строго говоря, смысл распространенного в транзитологии понимания консолидированной демократии как *"the only game in town"*.

Но проблема не только в этом. Модель демократической консолидации ставит перед исследователем целый ряд теоретико-методологических и прикладных политических вопросов. Когда заканчивается собственно "транзит" ("переход", фаза "учреждения демократии") и начинается консолидация? Какова взаимосвязь между так наз. "негативной" консолидацией, т.е. маргинализацией несистемных элементов и сил, и консолидацией "позитивной", т.е. стабилизацией структур демократической политики и массовым распространением демократических ценностей? Какие внутренние и внешние факторы влияют на консолидацию демократии? Список вопросов легко продолжить, однако удовлетворительные ответы на них пока что отсутствуют.

В современной транзитологической литературе консолидация демократии понимается как своего рода "восходящий" процесс – от *"минимального"*, про- недурного, уровня, когда учреждены формально демократические институты и процедуры [Di Palma 1990], до уровня *"максимального"*, структурного и мно- гофакторного, предполагающего утверждение демократии по целому комплексу измерений – от поведенческого и ценностного до социально-экономического и международного [Merkel 1998]. Принято считать, что и сам процесс демократической консолидации, и его исход зависят от совокупности *эндогенных* и *экзогенных* факторов. К первым относятся наличие и характер "доавторитарного" политического опыта; тип и особенности распадающегося или распавшегося недемократического режима; условия и обстоятельства самого авторитарного распада, стратегии, избираемые ключевыми политическими акторами в процессе транзита, и др.; ко вторым – внешняя среда; степень включенности в основные международные структуры и институты; масштабы международной политической, экономической и иной поддержки, и т.п. В то же время некоторые авторы акцентируют роль таких структурных предпосылок демократической консолидации, как "гражданская" политическая культура и гражданское общество [Dahl 1997; Gill 2000; Inglehart 2000], относительно высокий уровень социально-экономического развития в сочетании с умеренной инфляцией и снижающимся

---

² По мнению Р.Саквы, "понятие транзита как логической фазы в развитии общества от известного исходного пункта к столь же известному конечному результату коренится в фундаментальных метанарративах современности (modernity), представлении о линейных и универсальных паттернах развития, которым подвержены все общества" [Sakwa 1999: 119]. Л.Даймонд называет такую методологическую установку "телеологическим искушением" (Diamond 2000).

имущественным неравенством [Przeworski et al. 1997], а также более или менее равномерное распределение совокупных общественных ресурсов – экономических, политических, идеологических, интеллектуальных и пр, [Vanhanen 2002].

Согласно концепции Х.Линца и А.Степана, ставшей едва ли не классической, демократическая консолидация предполагает проведение глубоких пре-образований как минимум на трех уровнях: *поведенческом, ценностном и конституционном*. По их мнению, о ее достижении можно говорить только в том случае, если: (1) в политике не осталось сколь-нибудь влиятельных политических групп, которые бы стремились подорвать демократический режим или осуществить сецессию; (2) демократические процедуры и институты воспринимаются обществом как наиболее приемлемые механизмы регулирования социальной жизни, и (3) политические акторы "привыкают" к тому, что все общественные конфликты разрешаются в соответствии с законами, процедурами и институтами, санкционированными новым демократическим процессом [Linz, Stepan 1996]. Развивая эту линию аргументации, В.Меркель добавляет к описанной схеме еще один уровень – *политической репрезентации*, т.е. наличие интегрированной партийной системы и системы взаимодействующих групп интересов, и подчеркивает роль внешних факторов – самой международной среды, международных экономических отношений, региональной интеграции [Merkel 1998].

Существуют и другие интерпретации условий демократической консолидации, однако в данном случае важны не частности, а то, что предлагаемая аналитическая модель "транзит – консолидация" фактически воспроизводит ли- ; нейное или, если угодно, стадияльное, представление о политическом развитии. По сути, речь идет о том, что демократия движется в заданном направлении, как бы дополняя себя в линейном процессе перехода от одной фазы к другой³. Разумеется, с точки зрения методологии в "девелопменталистской" трактовке вызревания и формирования демократии, понимаемой как нечто постепенно развивающееся, "складывающееся" из фрагментов и частей [Sklar 1996], есть свой резон. Но остается неясным, всегда ли демократическое развитие идет в одном направлении, каковы его временные и иные границы, обязательно ли задержки в этом развитии, эволюция к новым формам "недемократий" и даже "откат" в авторитаризм должны быть рано или поздно восполнены новым демократическим "прорывом"?

Именно в этом и заключаются те сомнения и возражения, которые сегодня можно адресовать упрощенно трактуемой "парадигме транзита"⁴. И конечно, правы те аналитики, которые говорят о том, что большинство "переходных стран" не являются ни открыто диктаторскими, ни безусловно продвигающимися к демократии – они вступили в "политическую серую зону"⁵.

* * *

Вместе с тем важно отметить, что в теоретико-методологическом плане было бы некорректно сводить к описанной выше и действительно упрощенной и поверхностной "парадигме транзита" все содержание сравнительных исследований политических трансформаций, начавшихся под знаком "третьей волны демократизации". *Транзитология* как субдисциплина сравнительной политологии, изучающая закономерности многообразных и *разнонаправленных* политических трансформаций современности, не ставит своей целью построение общеприменимой и универсальной матрицы демократизации. Центральное для этой субдисциплины понятие *транзита* (от лат. *transitus*) объединяет *любые* по форме и содержанию

---

³ Как отмечают Р.Роуз и его соавторы, "описывать новые демократии как находящиеся в состоянии транзита – значит... предполагать, будто мы знаем социальную отправную точку, нынешнее состояние и направление движения" [Rose et al. 1998: 7].

⁴ По мнению Т.Карозерса, в основе этой "парадигмы" лежат следующие посылки: (1) страна, отходящая от диктаторского правления, движется к демократии; (2) демократизация предполагает совокупность последовательных стадий, ведущих к консолидации нового режима; (3) ключевым элементом перехода к демократии являются выборы; (4) "структурные" характеристики (уровень экономического развития, политическая история, унаследованные институты, этнический состав, социокультурные традиции и др.) гораздо меньше влияют на исход транзита, чем "процедурные", т.е. действия политических акторов; (5) демократизация осуществляется в рамках дееспособных государств [Карозерс 2003]. С критикой представлений о возможности применения данной парадигмы ко всему многообразию посткоммунистических трансформаций выступает также Т.Кларк [см. Clark 2002].

⁵ Описывая такие страны, Карозерс указывает, что они "обладают некоторыми признаками демократизации политической жизни, включая по меньшей мере наличие ограниченного политического пространства для существования оппозиционных политических партий и независимого гражданского общества, а также регулярные выборы и демократические конституции. Но при этом для них характерны слабое представительство интересов граждан, низкий уровень политического участия, не выходящего за пределы голосования, частые нарушения законов должностными лицами государства, сомнительная легитимность выборов, почти полное отсутствие доверия общества к государственным институтам и устойчиво низкая институциональная эффективность государства" [Карозерс 2003: 48-49].

процессы перехода от прежнего, недемократического, состояния к *иному*. Да, в течение двух с лишним десятилетий развития транзитологии в качестве конечного результата "перехода" обычно постулировалась та или иная разновидность демократического устройства, тогда как действительность показала, что этот результат редко достижим. Но фиаско иллюзий транзитологической телеологии отнюдь не означает разрушения самой предметной области сравнительных исследований современных политических трансформаций. "*Конец парадигмы транзита*" не тождественен "*концу транзитологии*"⁶.

Более того, сравнительное изучение попыток демократизации показывает, что те из них, которые увенчались успехом, и в самом деле нередко (особенно в южноевропейском и латиноамериканском контексте) подчинялись некоей общей внутренней логике, демонстрировали сходную последовательность событий, действий и процессов. Так, при демократизации авторитарных режимов классического типа инициатива реформ обычно исходила *сверху*, т.е. от части правящей элиты, расколовшейся на реформаторов и консерваторов⁷. При этом реформы начинались, строго говоря, не с демократизации как таковой, а с предварительной *либерализации* режима, его своеобразной "декомпрессии"^{**}.

Пытаясь противостоять консервативным силам внутри системы, реформаторы-центристы (опять же в Южной Европе, Латинской Америке и, отчасти, в СССР) часто обращались за поддержкой к гражданскому обществу, оппозиционным движениям и, балансируя между охранителями режима и его радикальными противниками, на протяжении определенного времени проводили поли-

тику "дозированных" реформ. Но санкционированная ими легализация радикальной оппозиции в качестве нового легитимного участника политического процесса влекла за собой контрконсолидацию консерваторов и рано или поздно оборачивалась ростом политической напряженности и обострением конфликтов. Во многих случаях успешных (южноевропейских и латиноамериканских) демократизаций выход из политического тупика обеспечивала не победа одной из противоборствующих политических сил, а оформление своего рода *пакта* (типа хрестоматийного пакта Монклоа в Испании) или серии пактов, устанавливавших "правила игры" на дальнейших этапах демократизации и предоставлявших определенные гарантии "проигравшим". Легитимация пакта и его последующее развитие позволяли перейти к одному из ключевых моментов демократизации – проведению первых свободных и конкурентных выборов новой власти (так наз. "*учредительных*"). Победа на этих выборах, как правило, доставалась не центристской группе начинавших демократические реформы политиков, а представителям радикальной оппозиции.

Но торжество последних обычно бывало недолгим, особенно если новой, демократически избранной, власти приходилось осуществлять болезненные экономические реформы. В ситуации массового недовольства результатами таких реформ на следующих демократических выборах ("*выборы разочарования*") перевес оказывался уже на стороне не радикалов, а центристов – выходцев из старой системы. Институционализация демократических процедур и, главное, легальная и легитимная смена политической власти закладывали необходимые основы для возможной (но отнюдь не обязательной, а напротив – редко случающейся) *консолидации демократии*. В случае успеха демократической консолидации новая политическая реальность закреплялась в специфическом для каждой конкретной страны сплыве с предшествующими политическими и иными традициями.

* * *

---

⁶ Можно, конечно, сознательно сузить предметную область транзитологии до линейной "транзитологической матрицы" (благо формальные основания в виде упрощенной концепции "перехода" от авторитаризма к демократии для этого существуют) и затем подвергнуть ее критике. Но это значит закрыть глаза на внутреннюю динамику субдисциплины, преодоление некоторых оказавшихся ошибочными посылок, саморазвитие гипотез и объяснительных моделей.

⁷ То же самое происходило и в СССР в начале перестроечных реформ конца 1980-х годов. Впрочем, либерализация не всегда начиналась с "подачи" самого режима – иногда (в частности в Польше, Венгрии, Болгарии и Румынии) толчком к ней служило давление масс *снизу*. Напомню также, что во многих странах Восточной Европы и Балтии лидеры-реформаторы не принадлежали к старому политическому истеблишменту – как, например, Л.Валенса, В.Гавел или В.Ландсбергис. ** Как отмечает А.Степан, "в авторитарных условиях 'либерализация' включает в себя совокупность политических и социальных изменений, таких как ослабление цензуры в СМИ, несколько больший простор для рабочих организаций, восстановление некоторых индивидуальных юридических гарантий (типа Habeas corpus), освобождение политических заключенных, возвращение политических беженцев... и, самое важное, терпимость к политической оппозиции. 'Демократизация' подразумевает либерализацию, но является более широким и специфически политическим понятием. Демократизация означает открытую конкуренцию за право контролировать правительство, а это, в свою очередь, предполагает свободные выборы, в результате которых определяется состав правительства. Либерализация касается в основном взаимоотношений между государством и гражданским обществом, а демократизация – взаимоотношений между государством и обществом политическим... Либерализации не обязательно сопутствует демократизация" [Stepan 1989: IX].

В какой мере описанная выше модель успешных демократизаций применима к многообразным посткоммунистическим трансформациям? Вопрос этот носит сущностный характер и выходит далеко за рамки политической конъюнктуры, поскольку от ответа на него во многом зависит матрица компаративных исследований современных политических (в т.ч. посткоммунистических) трансформаций.

Итак, насколько правомерно рассматривать распад и трансформацию коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы и в бывших советских республиках в качестве звеньев единого глобального процесса демократизации, частных проявлений (возможно, не очень успешных – особенно применительно к СССР) "третьей волны"? Быть может, специфика посткоммунизма (по исходным условиям, задачам, политическим акторам и др.) столь велика, что сравнение его с поставоритарными демократизациями в Южной Европе и Латинской Америке лишено достаточных оснований [см. Bunce 1998]?

Как показывает анализ, проведенный М.Макфолом, в случае посткоммунистических трансформаций не работают по крайней мере две базовые посылки конвенциональной транзитологической модели, а именно: (1) представление о том, что выходом из политического тупика, возникающего вследствие примерного равновесия консервативных и реформаторских сил, является пакт, создающий основы для успешной демократизации, и (2) идея навязывания демократии "сверху" в результате компромисса элит. Для посткоммунистических стран более характерным был вариант не пакта, а *силового разрешения противоречия*, причем тип возникающего режима в значительной мере определялся тем, откуда шел импульс политических преобразований. Если перевес в политическом противоборстве получали радикальные реформаторы, опиравшиеся на поддержку "снизу" и действовавшие "извне" традиционного истеблишмента, открывались перспективы подлинной демократизации. Если сила была на стороне "мимикрировавших" представителей *ancien regime*, которые "сверху" навязывали новые правила игры, итогом становилось утверждение новой версии авторитарного режима. Наконец, если победитель определялся лишь после относительно длительного периода сохранения баланса сил, возникали те или иные разновидности "гибридных" режимов ("полудемократий-полудиктатур")⁸ [McFall 2002].

Противники отождествления посткоммунизма и демократизации фиксируют и другие особенности посткоммунистических трансформаций, в т.ч. необходимость одновременного преобразования политической и экономической сфер, а нередко – и обретения национально-государственной идентичности, всплески этнонационализма, отсутствие либо аморфность гражданского общества и т.д. Приводимая ими аргументация отчетливо демонстрирует неадекватность попыток уложить всю совокупность траекторий политических трансформаций последних трех десятилетий в какую-либо универсальную "транзитологическую парадигму". В реальном многообразии успешных и неуспешных транзитов тех лет были и переходы от либерализации к пакту и демократизации с последующим продвижением к демократической консолидации, и реформы, осуществляемые группами реформаторски настроенных элит, и случаи навязывания (привнесения) демократизации сверху, и массовые восстания против диктатуры. Наконец, мы сталкиваемся не только с сущностно разными процессами, но и с широким спектром результатов политических трансформации – от консолидации либеральных демократий до появления вполне сложившихся разновидностей нового авторитаризма с промежуточными вариантами в виде противоречивых, но более или менее устойчивых движений к демократической консолидации и застоявшихся "гибридных" состояний. Все это – совершенно реальная проблемная область современных транзитологических исследований.

Но отсутствие универсальной (над- или транснациональной) "транзитологической парадигмы", которая позволяла бы концептуализировать (и адекватно предсказывать) последовательность и закономерность процессов режимных преобразований и политических трансформаций в отдельных странах, – вовсе не аргумент против сравнительного анализа конкретных траекторий политических изменений в современном мире, инициированных или

---

⁸ По подсчетам Макфола, перевес в пользу оппозиции в девяти случаях (Хорватия, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия и Словения) способствовал появлению "демократий" и в трех – "частичных демократий" (Армения, Босния и Герцеговина, Грузия); ситуация баланса сил в одном случае породила "диктатуру" (Таджикистан), в шести (Молдова, Россия, Украина, Албания, Азербайджан, Македония) – "частичные демократии" и в двух (Болгария и Монголия) – "демократии"; а доминирование старого режима в пяти случаях (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Туркменистан и Узбекистан) привело к утверждению "диктатуры" и лишь в двух – к появлению "частичной" (Сербия) или "полной" (Румыния) "демократии" [McFall 2002]. К сходным выводам пришел В.Я.Гельман при анализе становления региональных политических режимов в России. По его заключению, режимный исход определяется, в первую очередь, конкретными политическими стратегиями ключевых акторов – "война всех против всех", "победитель получает все", "сообщество элит" и "война по правилам" [Гельман 1998].

(пусть даже формально) проходящих под знаком "демократизации". Собственно говоря, с методологической точки зрения сравнение различных вариантов движения от авторитаризма в сторону иных (более демократических или, напротив, автократических) форм правления отнюдь не подразумевает конструирования универсальной и общеприменимой парадигмы политических изменений.

Научная цель, очевидно, состоит в другом – в определении связи и последовательности отдельных фаз в конкретном классе общественных процессов. Эвристический потенциал такого – *транзитологического* по предмету и *сравнительного* по методу – анализа заключается именно в выявлении общего и особенного в многообразии реальных политических трансформаций. Подобный подход позволяет, в частности, обнаружить некоторые характерные закономерности *эффективных* переходов к демократии. Понятно, что эти закономерности присущи не всем вариантам перехода от недемократических форм правления, но лишь наиболее успешным.

Опыт посткоммунистических трансформаций отчетливо продемонстрировал, что *институциональная стабилизация и режимная консолидация per se далеко не равнозначны консолидации либеральной демократии*. Более того, в подавляющей части посткоммунистических "случаев" они означают прежде всего стабилизацию наличного властного режима, обеспечивающего устойчивое воспроизводство сложившейся системы властных отношений, функционирования и распределения власти. В свою очередь, это предполагает элиминацию оппозиции как сколько-нибудь влиятельного политического актора, а также создание и поддержание механизмов легитимации существующего режимного порядка, которые – с учетом имеющихся у власти административных и иных ресурсов – минимизируют (как бы "в пику" формуле А.Пшеворского) неопределенность результатов осуществления формальных демократических процедур. Вместе с тем для таких режимов, как правило, характерна относительно *слабая Институционализация* – процедуры либо нарушаются, либо служат фасадом для "реальных" и неинституционализированных властных отношений.

* * *

Поднятая выше проблема режимной консолидации заставляет задуматься и о том, правы ли мы, рассуждая о траекториях посткоммунистических трансформаций в терминах "переходности", особенно спустя полтора десятка лет после начала собственно "транзита". Куда, допустим, сегодня "переходят" Туркменистан и Белоруссия, Таджикистан и Казахстан или та же Россия⁹? Очевидно, что они уже "перешли" туда, куда в заданных условиях и с учетом конкретных обстоятельств могли "перейти". Система власти в них вполне отстроена (хотя и не до конца институционализована) и обеспечивает достаточно стабильное самовоспроизводство; оппозиция если не элиминирована, то не выступает в качестве влиятельного политического актора; гражданское общество недоразвито; право функционально по отношению к самому режиму; неопределенность результатов использования демократических процедур, прежде всего электоральных, сведена к минимуму. Причем это отнюдь не означает завершения и прекращения реформ. Нет, те или иные *внутрисистемные реформы* могут продолжаться, но они принципиально ограничены режимными рамками.

Другими словами, в перечисленных случаях мы имеем дело не с "переходными", а с вполне консолидированными политическими режимами нового типа, которые никак не вписываются в логику "растянутой демократизации". Просто вектор их политического развития оказался не совсем таким (а точнее – совсем не таким), как предполагалось в линейной "транзитологической парадигме". Поэтому, с аналитической точки зрения, сейчас гораздо продуктивнее не рассуждать о возможностях их дальнейшего "перехода к демократии", а разобраться в особенностях уже произошедших режимных изменений¹⁰.

По мнению многих аналитиков, подобный поворот событий был в значительной мере обусловлен слабостью институционального дизайна соответствующих стран и недостатками конкретного институционального строительства. Как свидетельствует опыт последних десяти с лишним лет, утверждение формальных демократических процедур, прежде всего выборов, вовсе не

⁹ Не случайно в аналитическом лексиконе появился целый набор понятий, пытающихся отразить не "переходную", а "ставшую" природу нынешнего политического режима в России, – "управляемый плюрализм" (Х.Бальзер), "электоральный" (А.Шедлер), "конкурентный" (Д.Кольер и С.Левитски) и "бюрократический" (Л.Шевцова) авторитаризм, "моноцентризм" (И.Бунин) и др.

¹⁰ Примерно об этом и говорят С.Левитски и Л.Уэй, когда предлагают "прекратить думать о таких случаях в терминах перехода к демократии и начать размышлять о специфических режимных типах, которыми они и являются" [Levitsky, Way 2002: 51]. М.Оттауэй квалифицирует данные режимные формы как "полуавторитаризм", подчеркивая, что "полуавторитарные режимы – это не неудавшиеся демократии или демократии в состоянии транзита, но тщательно выстроенные и поддерживаемые альтернативные системы" [Ottaway 2003: 7].

предопределяет характер легитимизируемого ими политического режима [см. Diamond et al. 1997; Zakaria 1997; Даймонд 1999]. Более того, формальные электоральные процедуры – не главное в демократии¹¹. И дело тут не только в том, что "внутри" формально демократических институтов зачастую ведутся "недемократические игры", но и в том, что сами эти формальные институты и внешне демократические процедуры могут – и вполне эффективно – использоваться в качестве "дымовой завесы" для различных видов недемократических режимов – цезаристских, султанистских, популистских, плебисцитарных, в т.ч. и в их "гибридных" формах [см. Schedler 2002].

Практика демократических транзитов "третьей волны" показывает, что формальная "инаугурация" демократии, т.е. провозглашение демократических институтов и процедур "электоральной демократии", отнюдь не предопределяет общий исход трансформационных процессов. Формальные электоральные процедуры зачастую представляют собой не ключевой компонент "электоральной демократии" как промежуточной фазы на пути к демократической консолидации, о чем так любят говорить оптимисты "глобальной демократизации", но совершенно иной политической феномен – а именно *трансформацию одной разновидности недемократического режима в другую*, нередко завершающуюся консолидацией "новой автократии" [Roeder 1994].

Мировая политическая реальность (повторю еще раз!) демонстрирует весьма широкий спектр поставторитарных траекторий развития, включая переходы от одних типов недемократических режимов к другим, а также возникновение "гибридов" и "мутантов", никак не вписывающихся в понятие демократии в его привычном значении. Именно поэтому в современном научном и политическом дискурсе и появляются в таком количестве так наз. "демократии с прилагательными" – "делегативная", "авторитарная", "имитационная", "электоральная", "нелиберальная" и др. [Colier, Levitsky 1997]¹². При всех нюансах сквозной линией в подобных интерпретациях является понимание того, что очень часто (особенно в посткоммунистическом пространстве) внешне демократические институты и процедуры используются как "фасад", за которым скрыты те или иные формы элитарно-олигархического распределения и воспроизводства власти, причем власти симбиотической – политической и экономической.

Изъяны в институциональном дизайне и институциональном строительстве, слабые и недостроенные политические институты присущи не только посткоммунистическим странам, но и "новым демократиям" в целом¹³. Но проблема, увы, глубже и выходит далеко за рамки сугубо институциональной сферы. Сами по себе политические институты, даже если они сконструированы по оптимальной демократической схеме, вовсе не гарантируют успех демократизации. Стабильная и консолидированная демократия имеет не только институциональную базу; помимо процедур, она должна опираться на определенный *структурный фундамент*, на подкрепляющую ее социально-экономическую систему и укорененные в обществе нормы и ценности демократической гражданственности, т.е. особого рода "социальный капитал" [см., напр. Inglehart 1999]. Исторические формы демократии не складывались из отдельных элементов, а органически "произрастали" в процессе многовекового исторического развития. Демократические институты, выстраиваемые титаническими усилиями "демократизаторов" на "сыром" социально-экономическом и культурно-ценностном фундаменте, может ожидать самая разная, в т.ч. не очень счастливая, судьба.

* * *

---

¹¹ Как отмечает Л.Даймонд, "демократия подразумевает нечто гораздо большее, чем просто выборы, даже если они являются регулярными, свободными и честными. Она предполагает, что нет 'заповедных пространств' власти, зарезервированных для военных или иных социальных и политических сил, не ответственных перед электоратом, что существует 'горизонтальная' ответственность официальных лиц по отношению друг к другу, ограничивающая власть исполнительных структур и защищающая конституционализм, верховенство права и совещательные процедуры. Наконец, она предполагает наличие условий для политического и гражданского плюрализма, а также для обеспечения индивидуальных и групповых свобод, чтобы соперничающие интересы и ценности могли находить выражение и конкурировать не только в ходе периодических выборов... Все это выводит на более высокие стандарты и более глубокий феномен, который может быть определен как 'либеральная демократия' – не в смысле взаимоотношений между государством и экономикой, а в смысле качества политической и гражданской свободы" [Diamond 2000: 16-17].

¹² Обосновывая свои сомнения в правомерности использования такого рода "прилагательных" по отношению как к "демократии", так и к "авторитаризму", Х.Бальзер отмечает, что они "порождают концептуальную путаницу... ибо предполагают, что соответствующие режимы эволюционируют в направлении либо демократии, либо авторитаризма" [Balzer 2003: 190].

¹³ "Разрыв между демократической формой и содержанием, характерный для современного мира, – это в значительной мере институциональный разрыв. Конечно, ни одна политическая система не функционирует строго в соответствии со своим формальным институциональным уставом, но специфика большинства демократий в Латинской Америке, Азии, Африке и посткоммунистических странах заключается в том, что политические институты там слишком слабы, чтобы обеспечить представительство различных интересов, верховенство конституций, правление закона и ограничение исполнительной власти" [Diamond 1999: 34].

Линейная логика "растянутого" демократического "перехода" уязвима и еще в одном важном отношении. В соответствии с этой логикой, основная задача демократов заключается в том, чтобы теми или иными способами, несмотря на все препятствия, "долавливать" демократические преобразования, усиливать нажим на "переходный" режим со стороны гражданского общества и т.п. Но если допустить, что процессы демократизации не являются векторным и "окна возможностей" для их развития возникают в определенных условиях, существуют в течение какого-то времени, а затем, не будучи в полной мере востребованы, вновь *закрываются*, причем *н*и́ким не установленный срок¹⁴, такого рода усилия предстанут абсолютно напрасными. Подобные соображения подкрепляют аргумент относительно угрозы "медленной смерти" неконсолидированных демократий после того, как период незаконченного демократического транзита переходит некий временной предел [см. Schedler 1998].

Разумеется, это не означает, что демократизация "задержавшихся" в своем "переходе" режимов в принципе исключена. Просто для реализации ими такой траектории политического развития потребуется нечто гораздо большее, нежели преодоление внутриврежимных ограничителей. В данной ситуации перспектива дальнейшей демократизации начинает определяться факторами и обстоятельствами, выходящими *за рамки существующего режима*.

Иными словами, основополагающая теоретико-методологическая установка "транзитологической парадигмы", трактующая современные политические трансформации как движение от авторитарного режима к консолидированной демократии, требует серьезного переосмысления. Тот факт, что транзит зачастую означает не "векторный" переход к либеральной демократии, а трансформацию недемократических режимов одного типа в недемократические же режимы иных разновидностей, не просто взрывает линейную логику, но ставит перед нами сложнейшую исследовательскую задачу – разработать новую концептуальную рамку режимных изменений и новую детализированную и дифференцированную типологию современных политических режимов.

Возвращаясь к вопросу о режимных "гибридах" и "демократиях с прилагательными", стоит отметить, что проблема здесь, скорее всего, не в *атрибутивных* характеристиках и свойствах ("управляемая", "делегативная", "электоральная", "авторитарная"), а в самом *предикате* "демократия". Действительно, если в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело не с "переходными", а с уже вполне состоявшимися, консолидированными (хотя и недостаточно институционализированными) недемократическими (по крайней мере, в классическом понимании) режимами, то и концептуализировать их нужно в иной – недемократической – понятийной рамке. Отсюда следует, что в фокусе анализа должны быть не те или иные "прилагательные" к "демократии", а сам предмет (предикат), который, строго говоря, вовсе не является демократией. Но раз так, то важнейшей задачей политической компаративистики становится *типологизация современных недемократий*, т.е. автократических режимов нового типа.

Некоторые шаги в этом направлении уже делаются. Одна из известных классификаций современных политических режимов представлена американским "Домом свободы" (Freedom House) – неправительственной организацией, занимающейся ранжированием стран мира по критерию соблюдения политических прав и гражданских свобод. В докладе "Дома свободы" за 2002 г. посткоммунистические страны поделены на три группы: "*консолидированные демократии*" (Польша, Словения, Литва, Эстония, Венгрия, Латвия, Словакия, Чехия, Болгария, Хорватия), "*переходные режимы*" (Румыния, Югославия, Албания, Македония, Молдова, Грузия, Армения, Босния, Украина, Россия, Киргизия, Азербайджан, Таджикистан, Казахстан) и "*консолидированные автократии*" (Узбекистан, Белоруссия, Туркменистан) [Karatnysky et al. 2002: 22]. Но хотя методология "Дома свободы" предусматривает определенную количественную дифференциацию в каждом режимном типе – оценка каждой страны дается в интервале от единицы ("максимум свободы") до семи ("минимум свободы"), – она все же не позволяет выявить качественные характеристики различных разновидностей "переходных режимов". Более того, в ней не преодолена тенденция к расширительному и недифференцированному употреблению понятия "переходности", которое используется и по отношению к вполне консолидированным недемократиям.

Полемизируя с трехчленной типологией "Дома свободы", Л.Даймонд предлагает более дифференцированную классификацию: "*либеральные демократии*" (Чехия, Венгрия, Польша,

¹⁴ Как отмечает С.Солник, "возможности для демократической консолидации не обязательно сохраняются сколь угодно долго и... после определенного момента патовая ситуация в противостоянии элит может превратиться в стабильное равновесие, перестав быть фактором, содействующим демократии" [Solnick 1999].

Словакия, Словения, Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Хорватия, Румыния), "электоральные демократии" (Молдова, Югославия, Албания), "амбивалентные режимы" (Армения, Грузия, Македония, Украина); "конкурентный авторитаризм" (Босния-Герцеговина, Россия, Белоруссия), "гегемонистский электоральный авторитаризм" (Азербайджан, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Узбекистан), "политически закрытый авторитаризм" (Туркменистан) [Diamond 2002]. Однако этой модели, как представляется, во многом присущи те же изъяны, что и рейтингам "Дома свободы". Ждет своей концептуализации и "медицинская" классификация Б.И.Макаренко, расположившего бывшие советские республики на шкале "убывающей консолидации" демократии: "выздоравливающие"(Литва, Латвия, Эстония) "есть надежды на поправку" (Молдавия, Украина, Россия, Армения) "хроническая болезнь" (Грузия, Белоруссия, Азербайджан), "острая стадия – опасно для жизни" (Киргизия, Казахстан, Таджикистан), "доктор сказал – в морг" (Узбекистан, Туркменистан) [Макаренко 2002/2003].

Очевидно, что недостатки всех имеющихся на сегодняшний день вариантов типологии современных режимных изменений обусловлены, в первую очередь тем что в теоретико-методологическом арсенале политической компаративистики пока отсутствует *развернутая система критериев*, на которую такая типология могла бы опереться. Думается, что основу этой системы критериев должны составить *многомерные параметры*, анализ и концептуализация которых позволили бы ответить на вопрос о причинах столь различных траекторий и результатов посткоммунистических трансформаций. Особого внимания, на мой взгляд, заслуживают следующие измерения:

- характер докоммунистических и досоветских традиций (цивилизационных, культурных, политических и др.), наличие или отсутствие демократического опыта;
- особенности внешней среды как фактора, поддерживающего или препятствующего внутренним трансформациям;
- состояние социально-экономической, политической, культурной и др. сфер в исходных, отправных, точках политических трансформаций;
- протекание процессов эрозии и распада авторитарных структур власти;
- принципы смены и репродукции политических и экономических элит;
- специфика новых политических институтов и путей их выстраивания;
- тактика политических акторов (с учетом их конкретных индивидуально-психологических особенностей).

Естественно, приведенный список носит сугубо предварительный характер и может (и должен) быть дополнен другими параметрами, способными влиять на направление, ход и результаты трансформационных процессов в посткоммунистическом пространстве. Как бы то ни было, перед политологами-компаративистами сегодня стоит необычайно сложная теоретико-методологическая задача. Эту задачу нам предстоит решать совместно с регионаловедом, международниками, социологами, экономистами, историками – словом, со всеми, кто занимается проблемами посткоммунизма, постсоветского пространства и в целом современного политического развития. Сейчас уже абсолютно ясно, что существует множество "выходов" из коммунизма, причем ведущих в разных направлениях – и к закреплению демократических институтов и практик, и к их "гибридному" сочетанию с унаследованными от прошлого недемократическими структурами, и к использованию их в качестве "дымовой завесы", прикрывающей формирование новых разновидностей авторитарного правления. За каждой из этих траекторий стоят специфические политические, социально-экономические, культурно-цивилизационные и иные обстоятельства, и каждая из них заслуживает самого пристального и идеологически непредвзятого анализа.

Гельман В.Я. 1998. Как выйти из неопределенности? – *Pro et Contra*, т. 3, №3. Даймонд Л. 1999. Прошла ли "третья волна" демократизации? – *Полис*, №1. Карозерс Т. 2003. Конец парадигмы транзита. – *Политическая наука*, №2. Кулагин В.М. 2004. Режимный фактор во внешней политике постсоветских государств. – *Полис*, №1.

Макаренко Б.И. 2002/2003. Консолидация демократии: "детские болезни" постсоветских государств. – *Полития*, №4.

Мельвил А.Ю. 1998. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам. – *Полис*, №2.

Мельвил А.Ю. 1999. *Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты)*. М.

Balzer H. 2003. Managed Pluralism: Vladimir Putin's Emerging Regime. – *Post-Soviet Affairs*, vol. 19, №3.

Bunce V. 1998. Regional Differences in Democratization: The East Versus the South. – *Post-Soviet Affairs*, vol. 14, №3.

Burawoy M. 2001. Transition Without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism. – *East*

European Politics and Societies, vol. 15, №2.

Collier D., Levitsky S. 1997. Democracy with Adjectives. Conceptual Innovation in Comparative Research. – *World Politics*, April.

Dahl R. 1997. Development and Democratic Culture. – Diamond L., Plattner M., Chu Y., Tien H. (eds.) *Consolidating the Third Wave Democracies. Themes and Perspectives*. Baltimore, L.

Di Palma G. 1990. *To Craft Democracies: Reflections on Democratic Transition and Beyond*. Berkeley.

Diamond L. 1999. *Developing Democracy Toward Consolidation*. Baltimore, L.

Diamond L. 2000. The End of the Third Wave and the Start of the Forth. – Plattner M., Espada J. (eds.) *The Democratic Invention*. Baltimore, L.

Diamond L. 2002. Thinking About Hybrid Regimes. – *Journal of Democracy*, vol. 13, №2.

Diamond L., Plattner M., Chu Y., Tien H. (eds.) 1997. *Consolidating the Third Wave Democracies. Themes and Perspectives*. Baltimore, L.

Gill G. 2000. *The Dynamics of Democratization. Elites, Civil Society and the Transition Process*. N.Y.

Gunther R., Diamandouros N., Puhle H.-J. (eds.) 1995. *The Politics of Democratic Consolidation. Southern Europe in Comparative Perspective*. Baltimore, L.

Huntington S. 1991. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman.

Inglehart R. 1999. Trust, Well-being and Democracy. – Warren M.E. (ed.) *Democracy and Trust*. Cambridge.

Inglehart R. 2000. Globalization and Postmodern Values. – *Washington Quarterly*, vol. 23, №1.

Karatnycky A., Motyl A., Schnetzer A. (eds.) 2002. *Nations in Transit. Civil Society, Democracy, and Markets in East Central Europe and the Newly Independent States*. New Brunswick.

Klark T. 2002. *Beyond Post-Communist Studies. Political Science and the New Democracies of Europe*. Armonk, N.Y., L.

Levitsky S., Way L. 2002. The Rise of Competitive Authoritarianism. – *Journal of Democracy*, vol. 13, №2.

Linz J., Stepan A. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore.

Mainwaring S., O'Donnell G., Valenzuela S. (eds.) 1992. *Issues in Democratic Consolidation: the New South American Democracies in Comparative Perspectives*. Notre Dame.

Markoff J. 1994. *The Great Wave of Democracy in Historical Perspective*. Ithaca.

McFall M. 2002. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship. Noncooperative Transitions in the Postcommunist World. – *World Politics*, January.

Merkel W. 1998. The Consolidation of Post-Autocratic Democracies: A Multi-Level Analysis. – *Democratization*, Autumn.

Ottaway M. 2003. *Democracy Challenged. The Rise of Semi-Authoritarianism*. Washington. Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. 1997. What Makes Democracies Endure? – Diamond L., Plattner M., Chu Y., Tien H. (eds.) *Consolidating the Third Wave Democracies. Themes and Perspectives*. Baltimore, L.

Roeder P. 1994. Varieties of Post-Soviet Authoritarian Regimes. – *Post-Soviet Affairs*, vol. 10, №1.

Rose R., Mishler W., Haerpfer C 1998. *Democracy and Its Alternatives. Understanding Post-Communist Societies*. Baltimore.

Sakwa R. 1999. *Postcommunism*. Buckingham.

Schedler A. 2002. The Menu of Manipulation. – *Journal of Democracy*, vol. 13, №2.

Schedler A. 1998. What Is Democratic Consolidation. – *Journal of Democracy*, vol. 9, №2.

Shin D. 1994. On the Third Wave of Democratization. A Synthesis and Evaluation of Recent Theory and Research. – *World Politics*, October.

Sklar R. 1996. Towards a Theory of Developmental Democracy. – Leftwich A. (ed.) *Democracy and Development: Theory and Practice*. Cambridge.

Solnick S. 1999. Russia's "Transition": Is Democracy Delayed Democracy Denied? – *Social Research*, vol. 66, №3.

Stepan A (ed.) 1989. *Democratizing Brazil. Problems of Transition and Consolidation*. N.Y., Oxford.

Vanhane T. 2002. *Democratization in 2000: A Causal Analysis of 170 Countries*. Paper prepared for the annual meeting of the International Studies Association. New Orleans, 24-27 March.

Zakaria F. 1997. The Rise of Illiberal Democracy. – *Foreign Affairs*, vol. 76, №6.